

КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ М. ХАКУШЕВОЙ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ»

Бетуганова Елена Нартшаовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), betuganovaelena@yandex.ru

Глобализация оказала трансформирующее воздействие на духовные сферы общества, которые формируют личность, она значительно расшатала его традиционные системы ценностей. Ведущей чертой современной литературы стало пробуждение национального чувства, как защитная реакция на глобализацию, нивелирование национального компонента. Обновленческие процессы в стране выявили возрастающую роль и значение «национального вопроса» во всем комплексе составляющих его параметров (национальное самосознание, национальное своеобразие, проблемы языка, истории). В литературе стали актуальны вопросы: что такое национальная идентичность и национальный характер, как их защитить от нивелирующих все и вся глобальных процессов, где их корни и источники. Процесс переоценки ценностей, коснувшийся самых различных сторон жизнедеятельности современного человека в постсоветский период, привел писателей к поиску новых аксиологических ориентиров, алгоритмов сохранения этнической культуры. В центре внимания – вечно актуальная проблема социального взаимодействия личности и общества. В статье рассматривается, как процессы глобализации изменили морально-этический и психологический облик человека.

Ключевые слова: цивилизация, национально-культурная идентичность, роман, духовный надлом, самобытность, уникальность, унификация, свобода.

Одним из главных вызовов человеческому сообществу в конце XX – начале XXI вв. стало противостояние универсальных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности – с другой. Противоречивость процесса глобализации состоит в том, что, с одной стороны, налицо объективная потребность различных стран во взаимодействии для решения экономических, политических и других проблем, поэтому процесс глобализации предстает как общецивилизационный вызов. С другой стороны, создавая новую социокультурную среду, раздвигая рамки пространственно-временных и информационных ограничений, процессы глобализации создают предпосылки для стандартизации образа жизни, создания стереотипных моделей социального поведения. Во вновь сложившейся ситуации у нового человека появлялось много новых возможностей для полного раскрытия своей индивидуальности, но возникала также опасность, что человек мог нивелироваться, незаметно даже для себя самого подчиниться тем коммуникативным стандартам, которые навязывает универсализация, так как глобализационные процессы задавали ему правила мышления и поведения. «Культурный империализм» неизбежно вызывал ответную реакцию: повышенную потребность в самоутверждении, сохранении основных элементов своей национальной картины мира и образа жизни. Человек все больше задавался вопросом: «Кто я», «В чем моя национальная идентичность».

Стремительные изменения, вызванные нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, нашли свое отражение в романе Дины Арма в романе «Дорога домой». Главная героиня с помощью семейного архива открывает для себя трагическую историю своего народа и ищет пути к обретению собственной национальной идентичности в разноликой противоречивой действительности. Глобальные изменения в мире Дина Арма выражает с помощью хронотопа «большой дороги». Мотив ухода из дома осмысливается как выход в сферу новых ценностей, повлекший за собой необратимые изменения характера. В свою очередь, возвращение домой могло означать только одно – осознание своей отличительности и целостности в условиях глобализации. Жизненный путь главной героини дан в оболочке «метаморфозы», который «сохранил еще достаточно энергии для охвата целого жизненной судьбы человека в ее основных переломных моментах» [Бахтин 1986: 152]. В соответствии с этим роман дает два или три различных образа главной героини Дины, разъединенных и соединенных кризисами и перерождениями его. Однако названный роман по своей структуре более приближается к типу биографий, представленным Плуархом. «Биографическое время у Плутарха – специфично. Это – время раскрытия характера, но отнюдь не время становления и роста человека. Сам характер не растет и не меняется, – он лишь восполняется: не полный, не раскрывшийся, фрагментарный вначале – он становится полным и округленным в конце. Следовательно, путь раскрытия характера ведет не к изменению и становлению его в связи с исторической действительностью, а только к завершению его. То есть только к восполнению той формы, которая была предначертана с самого начала» [Бахтин 1986: 177]. Героиня не погибает физически и нравственно, а, наоборот, переживает в романе как бы «второе рождение». Автора привлекает в качестве главного героя образ человека, находящегося в процессе постоянных исканий, притом человека со сложной и незавершенной духовной биографией, последняя ступень которой лишь намечена автором, но так и остается до конца не раскрытой. Это не история перерождения, не история духовного отрезвления героя от заблуждений, а история вторичного, и на этот раз окончательного, обретения им родины, духовного возвращения к неизвестному ему ранее народу.

В силу своих жанровых особенностей в романе «движение осуществляется от некоего центра, с исходной позиции вовне» [Скобелев 1982: 15]. Таким центром в романе стал монолог ординатора из Оренбурга, который предваряет сюжет романа. Будучи родом из Сибири, Саша глубоко переживал, что его предки – малые народы Сибири – почти исчезли. Человеческим законам он противопоставляет удивительный мир животных: «Вот лосось – удивительная рыба. Он живет в океане, но на нерест обязательно возвращается домой, туда, где он родился. В океане, в миллиардах кубометров воды, эти рыбы безошибочно находят нужное направление и начинают свой первый и последний путь домой... Любовь к Родине меняет их, из обычных светло-серых рыб они превращаются в красно-зеленых красавцев. Преображенные лососи безошибочно находят дорогу и всегда возвращаются домой...» [Арма 2009: 7].

Символы дома и рыбы отражают авторское, индивидуально-личностное восприятие глобализационного процесса, наполняются субъективными значениями и смыслами, вызывают ассоциации. Образ лосося, который так отчаянно стремится вернуться на Родину, позволяет автору тонко передать состояние человека в эпоху глобализации, его желание защитить себя и свою уникальность.

Надо сказать, «правдивое воссоздание типических обстоятельств и характеров представляет большую сложность для писателей, пишущих о современности. Но все же в романе заложено желание узнать, зафиксировать мир, который стремительно изменился, отметить смещение качеств и приоритетов» [Ревякин 1959: 17]. Тем более самые существенные трансформации произошли в Новейшее

время, когда были заложены основы превращения локальных историй отдельных народов в единый всемирно-исторический процесс. Глобализационный процесс не только формировал новый образ общества, но и существенно преобразовывал личность: оказывал трансформирующее воздействие на духовные сферы общества, расшатывал ее традиционные системы ценностей. Менялись типы культурных систем, а вместе с ними менялись типы ценностных ориентаций. В результате у человека появилось новое мировоззрение, новое видение мира, новое понимание своего места в мире. В романе «Возвращение домой» Д. Арма отмечает, что изменения, порождаемые глобализацией, в первую очередь существенно преобразовали морально-этический облик современного человека. Так, Дина – главная героиня романа, которая работала врачом в больнице, обратила внимание на то, что при живых детях за пожилыми людьми совершенно некому было смотреть. На просьбу врачей проведать своих больных стариков дети отвечали в соответствии с веяниями Нового времени: «Послушайте, дама, очень сожалею, что не имею чести быть с вами знакомым. Может, вы, действительно, врач, как говорите. Но пока меня не покидает уверенность, что вы из благотворительной организации...» [Арма 2009: 9]. Такие понятия, как добро, сострадание, забота в новое время иронично высмеивались и не воспринимались обществом всерьез. Изображая лицо реальной действительности, М. Хакуашева «отбирает в нем по преимуществу существенное, характерное, ведущее в конкретно-историческом социальном проявлении. Сущность человеческого характера раскрывается не фотографически точным описанием, а посредством отбора и выдвижения наиболее главных, определяющих черт. Стремясь показать сущность изображаемого по возможности определеннее, выпуклее, писатель выдвигает и подчеркивает именно те стороны, которые с его точки зрения, выявляют эту сущность резче, нагляднее. При этом совокупность разнообразных, а иногда и противоречивых черт изображаемого человеческого характера подчиняется его ведущей особенности, которая, бросая свет на весь характер, придает образу ярко выраженное своеобразие» [Ревякин 1959: 63]. Д. Арма высвечивает различные стороны жизни общества, создает типичные образы отображаемой действительности, показывает характерные приметы мира; подчеркивает, что глобализационные процессы были чреваты упрощением духовной структуры человека, его дегуманизацией. Тот случай в больнице был не единственный: «Родственники, – усмехнулась медсестра, родственникам здоровые нужны, да и не всякие здоровые... Здесь каждый четвертый такой. Все в пролежнях, гниют заживо, да подойти некому» [Арма 2009: 12]. Человек нового времени не хочет отягощать себя такими несерьезными делами и перекладывает ответственность за своих родителей на плечи медсестер за определенную плату. Автор подчеркивает деструктивные процессы, характерные для современного цивилизационного развития; раскрывает мир человеческих отношений и чувств в контексте разрушения целостной картины мира. Нежелание заботиться о своих беспомощных стариках сигнализирует об изменениях внутренней сущности человека новой эпохи, его выход в сферу господства новых нравственных ценностей.

Олицетворением глобализации в романе стала Москва. Вот как характеризует столицу Дина: «Москва – это много миров, которые порой не соприкасаются, и в каких-то я чувствую себя дома больше, чем дома; В то же время Москва – это «чертово колесо», которое способно выкинуть в черную пустоту сквозь весело мигающие огни аттракциона» [Арма 2009: 17]. «Чертово колесо» символизирует нарастающие и весьма противоречивые процессы глобализации. Обращает на себя внимание фраза главной героини, что «в каких-то мирах она чувствовала себя больше, чем дома». Автор раскрывает противоречивость влияния глобализации на человека. С одной стороны, она позволяла личности более полно реализовывать себя, с другой – закрепощала и обедняла ее. Дина понимает, что политические,

социальные, культурные процессы, происходящие в современном мире, имели сходный характер. Ее радовало, что это создавало условия для улучшения понимания различными национальными культурами специфики друг друга, давало возможность человеку, выросшему в одной культурной среде, адаптироваться к иным условиям. Но в то же время интуитивно она чувствовала, что это самое «чертовое колесо» грозило опасностью. Черная пустота, в которую «колесо» может выкинуть, могла означать грядущее обострение кризиса национальной идентичности. «Как было рассказать о том, что живет во мне и чем я захлебываюсь, то, что есть во мне одинокого, отчаявшегося, ненайденного, неопределимого, – это мое «я» – говорит Дина [Арма 2009: 17]. Ее внутренний разлад с современным миром спровоцировал потребность в поиске своего места в жизни. Она проявлялась в настойчивых жизненных поисках. Ответы на свои вопросы она с упоением искала в произведениях своих любимых авторов. Переживала эпоху Льва Толстого, неповторимые русские времена года Тургенева, несравненный период Бунина, клубящийся в пурге Петербурга, типичные тоскливые улочки, увиденные глазами Достоевского, прозрачный слог Мандельштама». «Реальную» Англию для нее открыл Джон Голсуорси и Оскар Уайльд, Англию, полную зловещих тайн – Конан Дойль. Постигала она героическую и любовную Францию Гюго, Золя и Мопассана. Настоящими Колумбами, посвятившими ее в таинство Америки, стали Томас Вулф, Теодор Драйзер, Хемингуэй, Фитцджеральд, Фолкнер, Селинджер. В таинственный омут испанских ночей окунул Федерико Гарсия Лорка. Разбуженные чтением книг мысли рождали что-то похожее на новую концепцию. В конце своего увлекательного путешествия в мир книг, она пришла к выводу, что путь к собственной внутренней гармонии возможен, если отпустить на волю интуицию, которая безошибочно найдет путь к законам универсального порядка. Но увы... Так она и не обрела внутренней гармонии и душевного покоя. «Не нужно было живого воображения, чтобы почувствовать себя заключенной, – я так не изжила этого ощущения до конца пребывания. ... Тут я познакомилась с тоской, она стала навязчивым фоном, который в принципе давал жить, но не давал чувствовать себя счастливой. Странное чувство, – ему нет объяснения и даже названия: будто я лишилась чего-то очень важного, но не знала чего именно...», – говорит она с отчаянием [Арма 2009: 30].

Причину духовного надлома главной героини автор так и не поясняет, она изображает внутренний мир Дины, ее переживания и рефлексию через внешние проявления. И все же определенные эпизоды подсказывают читателю, что именно не давало ей покоя. В первую очередь – это странное и неожиданное увлечение Дины обустройством быта. Чтобы как-то приостановить свои поиски в мире художественных произведений, Дина решила взять на себя «львиную долю обязанностей мамы и тем самым погрузилась в домашний быт». «Каждое ее утро начиналось борьбой с беспорядком. Ей казалось, словно призрак быта мистифицировал ее. Читательский взор привлекает другой яркий эпизод из романа. На вечеринке Дина провозгласила: «Мы пойдем купаться в пруду!» [Арма 2009: 53]. Вот как она описывает свое погружение в воду: «Тело немело от студенной воды. Но мне это не мешало. Я ритмично плыла: вдох над водой, выдох в воду. Я уже не чувствовала боли. Я даже не чувствовала даже тела. Плыл один мой бесплотный дух. ... Я купалась до зари в новогоднюю ночь, 22 марта – по адыгскому календарю» [Арма 2009: 54].

Потаенный мир души Дины угадывается за внешними переменами. Читатель, для того чтобы осознать всю глубину содержания, сам должен проникнуть в суть происходящего, осмыслить причины тех или иных поступков героев, проделать определенную работу – тем самым дать им оценку. Данные эпизоды расшифровывают причину беспокойных метаний Дины. И погружение в быт, и погружение в воду проявляет логику инициации. Так, пребывание в быту – это мнимая смерть:

быту здесь соответствует преисподняя, – а выход из быта воскресение. Такую же смысловую нагрузку несет и другой эпизод из романа. Так же, как и погружение в быт, падение в низовые воды символизирует инволюционный путь души вниз. Погружение в воду означает возврат к преформальному состоянию, имеющий, с одной стороны, смысл смерти и уничтожения, а с другой – возрождения и восстановления, поскольку погружение укрепляет жизненную силу. Амбивалентность смерти как хождения в Хаос проявляется в том, что при «умирании» как бы рушится прежняя психологическая структура личности, расчищая место для новой – будущей. В символах духовного роста, духовной трансформации, погружение в быт, воду символизируют этап закономерной смерти, уничтожения всего прежнего, ненужного, отжившего, за которым следует воскресение – обновление и переход в новое состояние. Согласно логике мифа, смерть является обратной стороной жизни, благодаря чему разрушение одного дает начало другому.

Через символы автор показывает столкновение в душе героини разных непримиримых миров, культур, отражает противостояние ценностей национально-культурной идентичности, с одной стороны, и универсальных цивилизационных стандартов, – с другой. Исходя из сказанного, Дина обретет гармонию только в случае духовной трансформации, когда несовершенный мир цивилизации уступил бы место культуре, а вместе с тем – национальным вечным абсолютным ценностям. Примечательно, что день, когда она совершила свое удивительное плавание, Дина обозначила, как 22 марта – Новый год по адыгскому календарю, что еще раз говорит об ее глубокой тоске по своему народу, родине, по всему тому, что называется «национальная идентичность». В результате долгих исканий она приходит к следующим умозаключениям: «Выяснилось, что мы оба дозрели до понятия идеи «вечного возвращения», когда после опустошающего странствия во внешний мир возвращаешься к себе, и только тогда становится прозрачным «Царство божие внутри нас» – делает вывод героиня [Арма 2009: 55]. Дина понимает, что прежде, чем обрести гармонию, ей предстоит «опустошающее странствие в мир глобализации».

Автор тонко выделяет характерные особенности человека в эпоху глобализации, который в большей степени идентифицирует себя с социальной маской, не подозревая о своем внутреннем, глубинном измерении, не понимая, что это внешнее эмпирическое «я» вовсе не вся его личность, а лишь незначительная внешняя проекция. «Под социализацией я понимала все большее усвоение некой роли, которая задавалась невидимой, но могущественной силой. И поскольку она навязывалась извне, а не шла изнутри, то не определяла и не проясняла моей сущности. Она задавала лишь внешние, механические рамки, согласно, правилам этой «социо» – игры...», – рассуждает она [Арма 2009: 56]. Тем самым она отмечала, что глобальные преобразования деформировали духовно-нравственную сферу человеческого бытия, разрушали самобытность и уникальность, превращали его в безликого человека «одного дня», свободного от каких-либо «корней».

Чем сильнее глобализация отрывала культуру, ценности от ее собственной исторической почвы, тем сильнее Дина искала убежища в своем, предсказуемом мире норм и моделей поведения. Рост ее национального самосознания был защитной реакцией на стандартизацию социального бытия.

Свою «ностальгическую накипь она выплеснула Грише». Рассказала она, как не смогла сдержать свои слезы, когда в Лужниках, из «прокашлявшегося громкоговорителя вырвались звуки уорк-кафы, как в толчее вагона ее взгляд остановился на обычной, набившей оскомину картине: группа усталых женщин с тюками и баулами. Но самое интересное, что, несмотря на то, что они не проронили ни слова, она почувствовала, что они такие же кабардинки, как и она». Она твердо осознает, что хочет быть не только представителем некоего общего безликого мира, но и еще носителем конкретного этнокультурного, национального сообщества.

«Она начинает тосковать по своей исконной одежде, проникаясь презрением к примитивному разгулу чувств и страстей, и с новой силой ее начинает тянуть к неповторимому терпкому аромату адыгского духа, который не блещит, – только мерцает» [Арма 2009: 58]. Все вненациональное, наднациональное, интернациональное она расценивает как абстракцию, как абсурд, как дерево без корней. А национальное, она ощущает как себя. Она рассуждает об американцах, которые совсем по-другому стали оценивать процесс глобализации. «Если раньше говорили об Америке как об огромном плавильном котле, то сейчас говорят о миске салата, где каждый ингредиент имеет свой неповторимый вкус. Они страшно рады обнаружить каких-нибудь индейских или ирландских предков. ... Это тоска по корням» – пишет автор, подчеркивая, что у человека «одного дня» постепенно возникает потребность в ощущении глубоких корней, что ему важно осознавать себя звеном в определенной цепи человеческого рода, возникшей в праистории.

Вызревание в действительности новых тенденций нашло отражение в мышлении ее пациента Геры, который широко зарисовал типические обстоятельства, в которых формировался человек нового времени, руководствуясь закономерностями реальной действительности. В этом монологе он обобщил то, что возникало и назревало, имело тенденцию закрепиться, победить, стать широко распространенным явлением: «Меня заглатывает метро, шикарная преисподняя. Я наблюдаю бесчисленную движущуюся массу людей, которая растекается по велению разных указателей. Иногда это скопление приводит меня в ужас, мое чувство собственной значимости полностью уничтожается. Правда, к такой безличности постепенно привыкаешь, но до конца с ней не смиряешься» [Арма 2009: 65]. «Я напоминаю себе муху, схваченную паутиной. Творческий запал, дерзкие планы, свежесть, энергия, – все это давно рассеялось, еще в первые годы, растворилось в этом беспощадном, мертвящем часовом ритме» [Арма 2009: 66]. Глобализация ассоциируется у него с синтетической гигантской машиной, железобетонным муравейником, которые высасывают из него соки. Все, о чем он мечтает, ступать по обычной земле, настоящей земле. Глобализация в мире Геры – ненатуральное, неестественное. По его мнению, она растворяет отдельное человеческое «Я в безликости всеобщего». Человек в эпоху ассоциируется у Геры «с движущейся массой людей, которая растекается по велению разных указателей, с мухой, схваченной в плен». Как и Дина, он подчеркивает, что самоидентификация только лишь через принадлежность к обществу, группе, социальной роли, статусу чревата серьезными последствиями: человек останавливается на пути к самопознанию, открытию своего истинного «я». Выражаясь словами известного философа Х. Ортега-и-Гассета, наступала эра ценностей массы (толпы). «Положительный» человек, наделенный творческим началом и противостоящий косной массе, толпе, как бы выпадал из процесса существования общества. Человек в эпоху глобализации мыслится Гере, как человек – масса, человек средний, не отличающийся от остальных и повторяющий общий тип. Он ощущает таким же, как и все, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. Мир, чуждый его человеческой сущности, подавил его, лишил свободы и сделал его несчастным, он так и не смог выйти из-под его влияния. Гера глубоко страдал и не находил себе место в современной жизни в силу произвольного ограничения свободы, жесткой регламентации сознания и поведения, низведения его роли в жизни до простого «винтика». Автор делает вывод, что в условиях глобализации Гере как воздух была необходима – свобода, свобода от вещей, установок, представляющих ложные ценности, ценности не свойственные образованному, развитому человеку. В условиях глобализации при сильнейшем воздействии глобальной культуры он не сумел сохранить собственную идентичность, чувствовал себя покинутым, лишним. Впоследствии Гера и вовсе пропал «Все, кто был задействован в поисках Германа, сошлись на необъяснимом факте: человек вошел в подземку и не вышел» [Арма 2009: 68].

В отличие от Геры Дина не готова принимать мир, чуждый ее человеческой сущности. Особенно ярко это проявилось в главе «Лагерь», когда она вместе с группой врачей отправляется на практику. Ее смущают свободные отношения женщин и мужчин, в целом неуважительное отношение мужчины к женщине, к ее чести. Ей непонятно, как награды и почетные грамоты получают люди, которые совершенно далеки от идеала и благородства.

В произведении можно заметить композиционные особенности греческого романа. Мир греческого романа – чужой мир: все в нем неопределенное, незнакомое. Москва так же чужой мир для Дины. Однако если чуждость этого мира в греческом романе не подчеркивается, то в исследуемом романе «Возвращение домой» М. Хакуашева нарочито противопоставляет чужое своему. Оппозиция «свой-чужой», преломляясь в плоскости сознания Я, раскрывается, как и в философии, «Я-Другой». Наложить чуждое мировоззрение на уже сформированную первичную картину мира Дина так и не смогла. Она твердо была убеждена, что ее внутренняя природа, которая была раскрыта и развита родной культурой, национальными особенностями была полностью уместна и востребована в первоначальных условиях жизни. Первую часть «Москва» можно условно разделить на две части. Все главы резко противопоставлены главе «Диса». Такое соотношение контрастно поставленных характеров подчинено интересам анализа проблемы. Так, основная антитеза в рассказе – свое и чужое. В более глобальном понимании это два противоположных мировосприятия, мироощущения, две психологии, два образа жизни: «свое – традиционное», и «чужое – глобализация» и свойственные ему нравы.

Неслучайно Дине, прежде чем к ней в гости придет Диса, какая-то потаенная сущность скажет: «Ты дома». Вот как описывает ее появление в студенческом общежитии автор: «Безличный термин «красота» не передает и сотой доли той атмосферы магической завороченности, в которую все оказывались вовлеченными ...» [Арма 2009: 85]. Студенты-москвичи, очарованные красотой Дисы, отзывались о ней с восхищением. Один говорил, что она тянет на высшую планку, другой констатировал «Мировой уровень», третий доверительно начал обсуждать предложение по рекомендации моей сестры на Мисс красоты или очарования. Однако Дина характеризовала ее по-своему. «Диса – Дисана – Дыщана, – золотая мать», обращалась она к ней. Эпитет «золотая» автор ассоциирует с солнцем, являющимся одним из сакральных символов в кабардино-чересской литературе. Слово «Адыги» состоит из корня «Дыг», «Дыгъэ», что означает «Солнце», в свою очередь в переводе «Адыгэ» звучит как «Люди Солнца». В контексте сказанного Диса для Дины «стихия, которая называется «моя национальность». Поток жизни, как как-то особенно ощущаемый. Как-то особенно окрашенный» [Арма 2009: 60].

В романе «резюмирующая мысль латентно сформулирована автором – менталитет современного человека должен быть обусловлен в первую очередь национально-культурной традицией, должен развиваться из нее, по возможности сохраняя формулы идентификационного начала» [Узденова 2019]. Самая внутренняя, самая глубокая насущная потребность ее была в самоидентификации, возможность мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего и внешнего принуждения. Она хотела существовать в обществе, руководствуясь осознанным выбором жизненной позиции, отражающей ее внутреннюю индивидуальную человеческую сущность. В последней главе Дина видит сон, в котором цыганка в ее дом «занесла сквозняк». Она разом отразилась во всех мутных зеркалах, и они изумленно поглощали небывалое яркое многоцветие ее одежды, летящие черные волосы и смуглые босые ноги. Свободолюбивая цыганка предложила Дине взамен на ненужные вещи подкову. Такое странное предложение смутило Дину, лишь потом она четко все

осознала, что подкова – это название ее города. В свою очередь символ счастья в руках цыганки олицетворял – свободу, в которой так нуждалась Дина. Мнение автора очевидно: воистину счастливым может считаться человек внутренне свободный, с четко выстроенной личностной идентичностью. Только «свобода личности», по ее мнению, является одной из составляющих условий человеческого существования, а также спецификой, природой человеческого «я». Поскольку, выражаясь словами Канта, свобода была единственным прирожденным правом, способствующим как развитию человеческой индивидуальности, так и нравственности.

Источники и литература

1. Арма Д. Дорога домой: роман. Нальчик: Эльбрус, 2009. 356 с.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.
3. Бетуганова Е.Н. Малые жанры в кабардино-черкесской литературе постсоветского периода: тенденции развития. Нальчик: Издательская типография: «Принт-Центр», 2019. 152 с.
4. Betuganova E.N., Uzdanova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M. (2019). Problem of national identity and ways of its resolution in works of adyghe and karachay-balkarian authors tarih kültür ve sanat araştırmaları (Проблема национальной идентичности и пути ее разрешения в творчестве адыгских и карачаево-балкарских авторов). V. 8. No 2. P. 660–670.
5. Горелов А.А. Культурология: учеб. Пособие. М.: Юрайт-М, 2002. 400с.
6. Культурология в вопросах и ответах: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 416 с.
7. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989. 174 с.
8. Лихачев Д.С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983. 256 с.
9. Пушкова Ю.Б., Н.И. Шельнова, Д.Г. Мирошникова, Н.Г. Коршевер, В.Э. Вечканов. Культурология: Учебное пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2008. 384 с.
10. Ревякин А.И. Проблема типического в художественной литературе. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959. 366 с.
11. Скобелев В.П. Поэтика рассказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1982. 156 с.
12. Сучков Б.Л. Исторические судьбы реализма. Москва: Советский писатель, 1970. 453 с.
13. Фридлиндер Г.М. Поэтика русского реализма. Изд-во: Наука, 1971. 291с.

THE CRISIS OF SELF-IDENTIFICATION OF HEROES IN M. HAKUASHEVA'S ROMAN «RETURN TO HOME»

Betuganova Elena Nartshaovna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), betuganovaelena@yandex.ru

Globalization has had a transformative impact on the spiritual spheres of society, which shape the personality, and shattered its traditional value systems. The focus is on the urgent problem of social interaction between the individual and society. The article examines how the processes of globalization have changed the moral, ethical, psychological appearance of a person.

Keywords: civilization, national and cultural identity, novel, spiritual breakdown, originality, uniqueness, unification, freedom.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-2-47-131-138